

О великолѣпіи и скептицизмѣ.

(Къ характеристикѣ адогматизма).

1.

Для того, кто хотѣлъ бы поспорить съ Львомъ Шестовымъ и отчетливо разобраться въ увлекательномъ субъективизмѣ его воззрѣній,—его послѣдняя статья *О Вячеславѣ Великолѣпноѣ* (Русская Мысль, октябрь 1916),—истинная находка. Ну, какъ не порадоваться, въ самомъ дѣлѣ, рѣдчайшему случаю, когда представляется возможность сосредоточить споръ на одной пылающей точкѣ и разсмотрѣть какъ бы въ увеличительное стекло сущность разсужденій и литературныхъ приѣмовъ такого своеобразнаго мыслителя и тонкаго писателя, какъ Шестовъ. Развѣ можно пройти спокойно мимо яркаго и рѣшающаго *experimentum crucis*, въ коемъ осторожный и скептический адогматикъ неосторожно и категорически пытается дать „объективную“ характеристику сложнаго и даже сложнѣйшаго писателя, причѣмъ лишь и произведенія послѣдняго у всѣхъ передъ глазами, такъ что каждый имѣетъ возможность нарисованный Шестовымъ портретъ сравнить съ *официаломъ* и судить о сходствѣ или несходствѣ портрета на основаніи дѣйствительныхъ чертъ того самаго предмета, который Шестовъ изображаетъ испытанными приемами своей словесной „живописи“?

Въ другихъ произведеніяхъ Шестовъ говоритъ о людяхъ и явленіяхъ чрезвычайно отъ насъ отдаленныхъ. И если онъ провозглашаетъ Сократа „творцомъ морали или сводить Платона къ одному опыту смерти или навѣшиваетъ на Августина *potestas clavium*,—то вѣдь въ каждомъ изъ этихъ абсолютныхъ его сужденій можно болѣе или менѣе убѣдительно разобраться лишь при помощи цѣлыхъ изслѣдованій, а вѣдь въ наше время изслѣдованія не въ чести, (они замѣнены „учеными“ работами), да и кому охота ломать копья изъ за того, что лица дѣятелей и лики событій безконечно давняго времени слегка или неслегка „перекошены“ въ изображеніяхъ того или

ного писателя нашего времени. Въѣдъ у каждаго историческаго дня есть сомнительное право „заботиться о себѣ и „злобу“ свою проецировать въ прошлое, узнавая въ себѣ ее и въ ней себя. Къ историческимъ картинамъ большинство очень снисходительно и готово простить многое живописцу. Но въ живописи *портретной*, т. е. той, которая хочетъ быть нарочитымъ воспроизведеніемъ даннаго лица въ его единственности и въ его индивидуальномъ своеобразіи и притомъ воспроизведеніемъ съ „натуры“, есть свои неумолимые требованія, невыполненіе коихъ можетъ привести къ принципиальной отмѣнѣ заповѣди: „не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна“.

2.

Но портретъ ли то что пытается нарисовать Шестовъ? Другими словами: задавался ли Шестовъ „воспроизводительными“ пѣлями при написаніи статьи? Этотъ вопросъ, какъ онъ ни простъ, совершенно необходимъ. И мы увидимъ, что онъ имѣетъ значеніе для *общей* характеристики Шестовскихъ приемовъ мысли и письма.

Дабы не было никакихъ сомнѣній, подѣ своимъ изображеніемъ Шестовъ подписываетъ *Вячеславъ великолюпный*, и даже объясняетъ, что это найменованіе относится не къ фантастическому лицу, а къ Вячеславу Ивановичу Иванову, автору многихъ книгъ, въ томъ числѣ и книги „Борозды и межи“, недавно вышедшей и, что весьма любопытно, не только автору книгъ, но и лектору ненапечатанныхъ чтеній (о Скрыбинѣ) и даже участнику нѣкоторыхъ интимныхъ собесѣдованій. Словомъ Шестовъ и не думаетъ скрывать того, что его характеристика имѣетъ въ виду опредѣленное и *реальное* лицо, и кромѣ того показываетъ себя крайне освѣдомленнымъ не только въ опубликованныхъ его высказываніяхъ, но и въ высказываніяхъ частныхъ и интимныхъ. Такъ что для чловѣка, мало знакомаго съ дѣятельностью Вяч. Иванова, статья Шестова неизбежно должна представиться своего рода документомъ, первоисточникомъ о Вяч. Ивановѣ. „сужденіемъ близкаго лица“ съ нѣкоторыми весьма характерными с нимъ біографическими „данными“.

Правду сказать, для мало мальски повнимающаго читателя было ясно, что во всѣхъ произведеніяхъ Шестова всегда было притязаніе объективно установить правильность различныхъ своихъ мнѣній, несмотря на проповѣдь адогматизма „въ теоріи“, и Шестовъ всегда, подобно всѣмъ мыслителямъ міра, такъ или иначе пытается охарактеризовать предметъ своихъ изслѣдованій,—но въ данномъ случаѣ притязаніе на объективность засвидѣтельствовано формально. Шестовъ пишетъ портретъ и пишетъ „съ натуры“.

Читатель, который скажетъ „ну и пусть себѣ пипеть!“ обнаружитъ непониманіе весьма тонкихъ и деликатныхъ обстоятельствъ дѣла. Есть вещи несоединимыя; есть противоположности, которыя форменнымъ образомъ „бѣгутъ“ другъ отъ друга. Таковы напр. „чертовщина и позитивизмъ“, „бѣсы и ладонь“, „Вольтеръ и католичество“. Таковы, мнѣ кажется, Шестовъ и притязаніе на *объективность*.

Пафосомъ и лейтмотивомъ всѣхъ разсужденій Шестова является невозможность объективныхъ сужденій. Любимою темою—отсутствіе критеріевъ для различенія истины отъ не истины. Умѣніе уличать великихъ людей прошлаго на какихъ нибудь непоследовательностяхъ и устанавливать разногласіе тамъ, гдѣ по всеобщему мнѣнію должно было царить единогласіе, Шестовъ выработалъ до виртуозности, и способность видѣть самый микроскопическій сучокъ въ глазу брата своего довелъ почти до совершенства. Вопросъ о собственномъ глазѣ Шестовъ съ необычайнымъ мастерствомъ умѣлъ обходить, заслоняясь отъ читателя теоріею субъективизма, которая ему нужна не менѣе чѣмъ амѣбѣ напр. способность мутить вокругъ себя воду, чтобы не быть съѣденной.

И вдругъ „притязаніе на объективность“, формально засвидѣтельствованное! Есть отъ чего сердцу философа возвеселиться! Любопытно посмотрѣть на скептика, живописующаго *сущность* чуждаго и закрытаго передъ нимъ явленія. Еще любопытнѣе зрѣлище застарѣлаго субъективиста, проникающаго въ самую душу объекта и ее разгадывающаго! Поистинѣ тутъ происходитъ *объективация* субъективизма „на экранѣ“ общечеловѣческаго сознанія, и всякій, кто пожелаетъ, можетъ видѣть быстрыя и воровскія движенія запретнаго милованія съ „объектомъ“, напоминающія смѣшныя ужимки монаха отказавшагося отъ мірской суеты, который „хватается за деньги и другія блага міра. Въ мрачныхъ скептикахъ упорно запрещающихъ *всѣмъ* имѣть свои сужденія и въ то же время присваивающимъ право сужденія себѣ самимъ—есть не мало юмористическаго—пора бы на скептиковъ взглянуть и съ этой веселой стороны!

Когда выставляется портретъ публично (Шестовскій портретъ Вяч. Иванова выставленъ въ *Русской Мысли*), никакіе запреты скептиковъ и никакія прещенія теоретиковъ субъективизма не могутъ остановить насъ отъ установленія трехъ общеобязательныхъ положеній: 1) существуетъ портретъ; 2) существуетъ лицо; 3) сужденія о сходствѣ или несходствѣ портрета предоставлено третьимъ лицамъ. Это три безспорные момента существуютъ въ каждой опубликованной скептической картинѣ міра, ибо и тамъ скептикъ съ натуры рисуетъ мрачную дѣйствительность человѣческаго познанія и о вѣрности воспроизведенія предоставляетъ судить своимъ современникамъ или своимъ потомкамъ. Эту вторую „макрокосмическую“ параллель я бы не хотѣлъ упускать изъ виду при разборѣ Шестовскаго портрета, ибо къ

изображенію Вяч. Иванова Шестовъ подходитъ съ тѣми самыми толко примѣняемыми и специфическими методами письма, съ какимъ онъ подходитъ рѣшительно ко всѣмъ явленіямъ и ко всѣмъ лицамъ т. е. къ объекту вообще. И вникая въ этотъ его портретъ, мы одновременно вникаемъ и въ сущность скептическаго отношенія къ міру вообще и въ предложенный намъ конкретный вопросъ о сходствѣ портрета съ оригиналомъ. Я себя чувствую въ простой и скромной роли посѣтителя выставки: вижу портретъ, знаю хорошо лицо, имъ изображаемое, и пользуюсь правомъ каждаго посѣтителя дѣлать свои критическія замѣчанія и дѣлиться съ публикой своими впечатлѣніями.

3.

Шестовъ писатель настолько извѣстный и всѣми любителями изящной прозы настолько цѣнимый,—что я оставляю въ сторонѣ литературныя достоинства его послѣдней статьи. Перефразируя его самого, могу сказать: она такъ же хороша, „какъ *все*, что выходитъ изъ подъ пера Льва Шестова“. Владѣя Божьимъ даромъ лирика, умѣющаго волновать одними „ритмами“ своей рѣчи, Шестовъ и это свое произведеніе сумѣлъ музыкально пополнить тѣмъ самымъ глухимъ и подавленнымъ *стономъ*, который какъ изъ глубокой „пещеры, слышится въ каждомъ его произведеніи. Но о „музыкѣ“ и „стонѣ“ въ своемъ мѣстѣ, а теперь перейдемъ прямо къ разсмотрѣнію „портрета“.

Первое, что бросается въ глаза—это то, какъ Шестовъ подошелъ къ Вяч. Иванову или вѣрнѣе, какъ его „взялъ“ и какъ „посадилъ“. Дочитывая послѣднюю строчку Шестовской статьи, невольно оборачиваешься на всю сложную ткань отдѣльныхъ чертъ и черточекъ, вырисованныхъ Шестовымъ и съ величайшимъ недоумѣніемъ спрашиваешь: да гдѣ же *самъ* Вяч. Ивановъ? Черточки есть, даже знакомыя черты есть, а *самою нѣтъ*. Шестовъ ухитрился нарисовать цѣлый портретъ, не нарисовавъ вовсе глазъ и всего, что съ глазами связано, т. е. лицо и взглядъ. А такъ какъ портретъ носитъ характеръ законченный и никакихъ бѣлыхъ мѣстъ въ немъ не только нѣтъ, но и дается еще опредѣленно понять, что ихъ и быть не можетъ. И что Вяч. Ивановъ изображенъ исчерпывающимъ образомъ вродѣ какъ бы съ абсолютною разгадкою его сущности,—то это отсутствіе *самою* представляется памфленнымъ приемомъ, своего рода торжественнымъ актомъ художественной воли писавшаго портретъ. И вотъ разоблачается первая черта портрета: Вяч. Ивановъ рисовать Шестовымъ *со спины*. Взялъ Шестовъ Вяч. Иванова да и посадилъ его спиною къ зрителямъ; такъ что можетъ и смотреть Вяч. Ивановичъ и даже улыбается, но этого не видно. Удобнѣе ли такъ показалось Шестову, считаетъ ли онъ самымъ характернымъ въ Вяч. Ивановѣ линію его спи-

ны, или вообще Шестову привычныѣ смотрѣть сзади, и его глазъ такъ устроенъ, что сподручныѣ видѣть ему все не съ лица, а съ затылка—но только фактъ, что въ своемъ портретѣ лица Вяч. Иванова онъ и не пытается воспроизвести. Со спины можетъ быть Вяч. Ивановъ и похожъ на кого нибудь. Въ спинѣ Вяч. Иванова можетъ быть и скрывается сильнѣе : сего „групповое“, то чѣмъ онъ близокъ съ своими сосѣдями и единомышленниками, то что объединяетъ его въ *понятіи* съ другими, но лицо его—единственное, ни на что и ни на кого не похоже, тончайше подвижное, въ подвижности многоликое, въ многоликости многозагадочное, съ тѣмъ сложнымъ пульсированіемъ тайнаго нѣтъ не узнаннаго лица, которое изъ лица человѣческаго вообще дѣлаетъ проблему проблемъ и кульминацію всѣхъ міровыхъ загадокъ. Если Шестову не по плечу характеристика лица Вяч. Иванова это значитъ—не по плечу ему и самый портретъ, и отъ мысли „написать“ *Вячеслава великолѣпнаго* онъ долженъ былъ бы отказаться, какъ отъ задачи, превышающей его силы. Но за портретъ онъ взялся и значитъ думалъ, что и безъ лица будетъ портретъ. При такомъ „художническомъ“ произволѣ невольно хочется схватиться за что нибудь „общезначительное“ и капризу писателя—да проститъ намъ Шестовъ!—противоставить норму, хотя и не Шиллера—Кантовскую, но все же норму т. е. нѣкій духовный „императивъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если можно допустить въ Шестовѣ познаніе внутреннего и не выявленнаго лица того лица, которое онъ задумалъ „разгадать“ и даже сдѣлать „понятнымъ“ для широкой публики, то нельзя не признать совершенно недопустимымъ въ „портретистѣ“ игнорированіе огромныхъ личныхъ матеріаловъ, содержащихся *въ поэзіи* Вяч. Иванова. Въ обильныхъ лирическихъ самосвидѣтельствахъ поэта мы имѣемъ тончайшее и наиболѣе первоначальное (по сравненію со всѣми другими видами его дѣятельности) впечатлѣніе внутренней его жизни, и задача—написать портретъ поэта безъ анализа его поэтического творчества должна быть признана не только неудачной въ своемъ замыслѣ и простоватогрубоватой, но и по существу неразрѣшимой. Шестовъ не говоритъ что поэзія Вяч. Иванова одно, а теоретическая мысль другое, еще менѣе говоритъ Шестовъ, что поэзія Вяч. Иванова представляетъ малый интересъ по сравненію съ его философіей—наоборотъ передъ художникомъ Вяч. Ивановымъ Шестовъ разсыпается въ комплименты и много разъ говоритъ о его „необычайномъ“ мастерствѣ, по тогда спрашивается, какъ же могъ Шестовъ такъ безбожно пройти мимо всей поэзіи Вяч. Иванова, разгадывая не какую нибудь периферическую его черту, а самую „тайну“ (собственные слова Шестова) его духовнаго существа?

Этотъ вопросъ рождаетъ другой вопросъ болѣе основной и универсальный: не со спины ли подходитъ Шестовъ не только къ Вяч. Ива-

нову, но и ко всей дѣятельности, ко всему прошлому, ко всѣмъ многочисленнымъ объектамъ своихъ скептическихъ раздумій? И не въ этой ли *слѣпотѣ на лицо*—разгадка его собственной сущности и сущности всякаго скептицизма вообще? Если мы устранимъ изъ дѣйствительности все „интелекційное“, всѣ чудесные и мгновенные ея расцвѣты, всѣ вспышки смысла, которыми она сверкаетъ изъ тьмы, т. е. всѣ кульминаціи ея таинственнаго существа, мы отвергнемъ самую возможность встрѣчи нашего взгляда со взглядомъ истины и обречемъ себя на вѣчную тьму невѣдѣнія и нежеланія видѣть. Чтожъ, въ Платоновой пещерѣ въ узахъ и мракѣ сидятъ не только тѣ, кто просто не видитъ и не слышитъ“ и по слову поэта „живетъ въ семъ мірѣ какъ впотъмахъ“, но и тѣ, кто видѣть не хочетъ и принципиально *стоитъ* за пещерное міровоззрѣніе, причемъ настойчивость этихъ добровольныхъ защитниковъ пещернаго низа такъ велика, что всякаго, кто пришелъ бы къ нимъ съ *солнечнымъ опытомъ*, побывавъ на верху, они засмѣяли бы и объявили его встрѣчу съ солнцемъ самимъ въ себѣ *бредомъ* и игрой распыленнаго воображенія и сдѣлали бы общій выводъ: „что поэтому даже и не слѣдуетъ пытаться восходить вверхъ“. „А кто бы сталъ ихъ освобождать и звать вверхъ, совѣмъ ужъ съ горечью добавляетъ Платонъ, того бы они при первой возможности, взяли бы и убили“.

Мы далеки отъ мысли отождествлять міровоззрѣніе Шестова съ міровоззрѣніемъ пещернымъ, и въ то же время не можемъ не отмѣтить двусмысленнаго *союза* Шестова съ исповѣдниками самаго крайняго пещернаго низа. Нерѣдко онъ отъ нихъ заимствуетъ острые словечки и квалификации и, какъ это ни странно, въ его тонкую пронию врывается мѣстами *изъ* смѣхъ надъ „побывавшими наверху“. *Низъ пещеры—верхъ скептицизма*. И сходятся пещерники и скептики на отрицаніи *лица* у дѣйствительности т. е. свѣтлаго ея облика, столь дорогаго поэтамъ, и озаряющаго иногда чудаковъ вродѣ Платона живымъ *взглядомъ истины*. Хорошо объ этомъ говоритъ Сковорода: „Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и *встрѣтивъ око ея*, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Скептикамъ это непонятно. „Они любятъ выслѣживать *чужія* блужданія по тропинкамъ“, а когда кто нибудь проблуждаетъ и встрѣтивъ измученнымъ взглядомъ око самой истины, радостно вскрикнетъ—„они дѣлаютъ видъ, что рѣшительно ничего не понимаютъ“.

Но вопросъ о лицѣ—вопросъ тонкій. Это вопросъ чутья и такта, вопросъ томительности и вдохновенности *зрѣнія*. Тутъ ничего не „до-

кажете“, а вѣдь всѣ помыслы скептиковъ направлены къ доказательствамъ и всѣ ихъ мученія—отъ отсутствія доказательства. Еслибъ убѣжденнаго скептика—(увы, и скептики всегда убѣждены въ своемъ скептицизмѣ!) ввели въ рай и сказали бы, „тутъ все безъ доказательствъ“, онъ сказалъ бы „Богъ съ нимъ, съ этимъ раемъ, мнѣ бы самую маленькую теоремку только съ доказательствомъ!“ Тутъ то мы и встрѣчаемся съ самой большой странностью въ умонастроеніи и въ приѣмахъ разсужденія осторожныхъ „адогматиковъ“ и безпочвенниковъ. Будучи запинотизированными однимъ видомъ эмпирической достовѣрности, т. е. достовѣрности того, что можно ощупать, вымѣрять, взвѣсить, сличить и свѣрить какими нибудь внѣшними средствами, они сами съ изумительной небрежностью относятся къ *эмпирически данному*, и, выдавая черезчуръ большую захваченность и плѣненность своимъ *настроеніемъ*, поражаютъ всякаго сторонняго наблюдателя невѣроятнымъ невниманіемъ къ конкретнымъ и безспорнымъ чистому „феноменологическимъ“ чертамъ той самой эмпирической дѣйствительности, во имя которой объявляютъ недоказуемость, не существованіе или по крайней мѣрѣ недоступность всякой другой.

Въ самомъ дѣлѣ пройди мимо лица Вяч. Иванова, Шестовъ детально вырисовываетъ его спину. Казалось бы, здѣсь все должно быть точно и положительно. И каждая черта, устанавливаемая Шестовымъ, должна быть эмпирически „обоснована“ и прямо соответствовать какому нибудь объективному данному. Въмѣсто этого Шестовское изображеніе спины Вяч. Иванова являетъ намъ рядъ разительныхъ искаженій, а опять эти искаженія имѣютъ глубокий смыслъ.

Остановлюсь для краткости лишь на трехъ искаженіяхъ, наиболѣе примѣчательныхъ.

Искаженіе первое: Шиллеръ. Шестовъ утверждаетъ особенную значительность Шиллера для Вяч. Иванова, говоритъ что Достоевскаго Вяч. Ивановъ чувствуетъ черезъ Шиллера, и даже Пушкина отгадываетъ подъ руку Шиллера (не хорошо, не по русски сказано!) Въ этихъ утвержденіяхъ все фактически не вѣрно. Кто сколько нибудь знакомъ съ литературною дѣятельностью Вяч. Иванова, тотъ совершенно эмпирически знаетъ, что Шиллеръ не играетъ никакой роли въ его поэтическомъ, религіозномъ и умозрительномъ самоопредѣленіи. Статья о Шиллерѣ написана Вяч. Ивановымъ значительно послѣ *Коринѣи Звѣздопрозрачности* и *Религи страдающаго бога*, и изъ самой статьи видно, что Шиллеръ, къ которому до тѣхъ поръ Вяч. Ивановъ былъ холоденъ, напелъ у него благожелательную оцѣнку только потому, что вопреки всѣмъ установившимся мнѣніямъ о Шиллерѣ, онъ сумѣлъ пойти въ немъ черты дивербизма,—и самое сильное доказательство этого нѣкъмъ не замѣченнаго діонисизма Шиллера увидѣлъ въ томъ, что Шиллеровъ Гимнъ Радости былъ сочувственно принятъ двумя величайшими представителями Діонисической идеи

въ XIX вѣкѣ—Бетховеномъ и Достоевскимъ. Если къ двумъ послѣднимъ именамъ прибавить имя Ницше,—мы будемъ имѣть весь списокъ великихъ вожатыхъ духа, имѣющихъ подлинное значеніе во внутренней біографіи Вяч. Иванова и сопровождавшихъ его неотлучно въ томъ глубочайшемъ погруженіи въ античности, которое окончательно сформировало въ Вяч. Ивановѣ поэта, мистика, мыслителя, религіознаго дѣятеля и имѣло на всю его жизнь опредѣляющее значеніе. Шиллеръ тутъ *фактически не при чемъ*. Шиллеръ *post factum* принятъ Вяч. Ивановымъ черезъ Бетховена и Достоевскаго, и, настаивая на Шиллерѣ, Шестовъ кромѣ интуитивной непроницательности, показываетъ большое незнакомство съ тѣмъ, что бѣлымъ по черному написано въ сочиненіяхъ характеризуемаго имъ писателя.

Ошибка съ Шиллеромъ была бы простымъ промахомъ, еслибъ Шестовъ сказалъ о Шиллерѣ и успокоился бы. Но на Шиллерѣ онъ разыгрываетъ многочисленныя варіаціи. Шиллеръ, видите ли, вспоминается Шестову какъ своего рода *artémuno* поэзіи Вяч. Иванова и къ этому мнимому тождеству съ Шиллеромъ Шестовъ, бѣлыми нитками привязываетъ еще болѣе мнимое увлеченіе Вяч. Иванова „новѣйшею западною мыслью“. Вопросъ о тождествѣ поэзіи Вяч. Иванова съ поэзіею Шиллера („та же благородная торжественность, тотъ же громовой звукъ мѣдныхъ инструментовъ или колоколовъ, тотъ же возвышенный, вѣчно юный идеализмъ“...) я не буду затрагивать. Это вопросъ *слуха* и *уха*. Для меня сопоставленіе Шиллера и Вяч. Иванова столь же неожиданно, какъ если бы кто нибудь заявилъ о тождествѣ симфоній Бетховена и... Чайковского на томъ основаніи, что тутъ и тамъ „то же“ торжественное и величавое море звуковъ „та же“ мучительная скорбь. Говоря проще я не вижу *ничего* общаго между Шиллеромъ и Вяч. Ивановымъ, кромѣ того что оба они поэты и пишутъ стихами.

Но вернемся къ эмпирически данному. У Шестова удобная теорія. Онъ говоритъ: „каждый думаетъ и выдумываетъ по своему“ и блестящее оправданіе этой теоріи даетъ тутъ же, *выдумывая* мнимое преклоненіе Вяч. Иванова передъ „новѣйшею западною мыслью“. Измысливъ то, что никогда не было. Шестовъ (*incredibile dictum*) почти съ пафосомъ укаго націоналиста говоритъ: „Зачѣмъ такое преклоненіе передъ Западомъ и такое пренебреженіе къ своему?“ Въ этомъ напештываніи стоитъ разобраться, ибо тутъ дѣло идетъ объ одномъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ *русскаго самосознанія*, особенно мучительно подчеркнутыхъ войною и въ то же самое время съ особенною яркостью ставящихся субъективистическій произволъ Шестова.

„Доказательства“ Шестова верхъ логическаго остроумія! Вяч. Ивановъ обвиняется въ преклоненіи передъ новѣйшею западною мыслью на томъ единственномъ основаніи, что *два другіе* писателя уличаются Шестовымъ въ увлеченіи нѣмецкими нѣмецкими

схемами. Если въ новой книгѣ Бердяева Шестовъ нашелъ столько великихъ руководящихъ нѣмецкихъ именъ, что они еле умѣщаются на двѣ строчки, если въ новой книгѣ Булгакова Шестовъ отмѣчаетъ повтореніе искусственныхъ схемъ *критики чистаго разума*,—спрашивается, какое отношеніе это можетъ имѣть даже не къ лицу, а къ „спинѣ“ *Вяч. Иванова*? Если два другіе писателя раздражаютъ Шестова своей теоретическою несвободою отъ нѣмцевъ,—спрашивается при чемъ же тутъ *Вяч. Ивановъ*?

Здѣсь невниманіе къ эмпирически данному вырастаетъ у Шестова до фантастическихъ размѣровъ. Литературная дѣятельность Вяч. Иванова у всѣхъ передъ глазами, и всякій добросовѣстный историкъ литературы на вопросъ: передъ чѣмъ *преклоняется* Вяч. Ивановъ? долженъ констатировать цѣлый рядъ безспорныхъ и знаменательныхъ фактовъ. Если Вяч. Ивановъ не пишетъ свое,—онъ переводитъ и какъ всякій поэтъ, переводитъ близкое и родное моему духу. Что же переводитъ Вяч. Ивановъ? Изъ новѣйшей Европы ничего. За то изъ старой Европы—много, а изъ древнѣйшей совсѣмъ уже щедро. Вотъ списокъ его переводовъ: *Островъ* Байрона, *Гимны* Новалиса, *Сонеты* Петрарки, *Канцоны* Данте, весь Алкей, вся Сафо; наконецъ въ настоящее время имъ подводится къ концу монументальный переводъ всего Эсхила.

Гдѣ же тутъ „преклоненіе передъ новѣйшею западною мыслью?“ Недоумѣніе разрастается, если къ списку переводовъ прибавимъ *изслѣдованія* Вяч. Иванова, т. е. латинскую диссертацию *De vestigialium societatis* и „Религію страдающаго бога“, съ рядомъ специальныхъ экскурсовъ, разросшихся въ цѣлый томъ. Или смущаетъ Шестова то, что Вяч. Ивановъ знаетъ всю „новѣйшую западную мысль“ объ античности и къ своимъ глубокооригинальнымъ и значительнѣйшимъ историко-религіознымъ концепціямъ приходитъ во всеоружіи зрѣлаго научнаго самосознанія? И неужели это величайшее достоинство его мысли и его созерцаній—можетъ быть какъ нибудь повернуто противъ него?

Основная черта *мысленія* Вяч. Иванова—въ томъ, что въ немъ оживаютъ съ несравненною силою и свѣжестью категоріи древняго мірочувствія и міроотношенія, и совершенно перерождаются въ немъ всѣ ткани мышленія современнаго. Вяч. Ивановъ не только переводитъ Эсхила; онъ смотритъ на міръ глазами эллина еще болѣе древняго чѣмъ Эсхилъ и въ концѣ концовъ вся современная наука и культура, которыя по утвержденію Шестова,—„находятся въ распоряженіи Вяч. Иванова“ суть не что иное какъ *способы выраженія* его по существу *античныхъ* воззрѣній и свѣдѣтельство *находчивости* его древнѣйшей, почти микенской души, и ея Одиссеева искусства говорить съ фактами по феакійски и съ людьми современной культуры—уточненно культурно.

Тонкій мефистофелизм страннаго обвиненія Вяч. Иванова въ „западничество“—заключается въ томъ, что западничество у насъ вопросъ чрезвычайно большой. Россія за все свое историческое существованіе никогда не была отдѣлена отъ Европы и *всегда* находилась съ нею въ живомъ, органическомъ единеніи. Только единеніе это было *тонкимъ, особеннымъ, исключительнымъ*. Конкретно жизненные связи съ Византіей и живое наслѣдіе святоотеческой мысли ставило Россію въ условія прямой преемственности отъ древнѣйшей и благороднѣйшей культуры Европы и *культуры эллиновъ*, той культуры, отъ которой средневѣковый и Новый Западъ былъ отдѣленъ крѣпкой перегородкой романизма т. е. культуры древняго Рима. И древняя Русь, тончайшими нитями связанная съ благодарной „Эдемской“ почвой древнѣйшей Эллады, отмѣчена изумительными по своему внутреннему значенію параллелями съ высшимъ расцвѣтомъ духовной культуры Европы въ средніе вѣка и въ первые дни Ренессанса. Въ иконописи,—въ этомъ сложномъ плодѣ цѣлаго уклада жизни и особой *цѣлостной системы духовной культуры*—въ иконописи, значительность которой мы, потерявшіе память потомки, начинаемъ разгадывать только теперь послѣ столѣтій несправедливаго пренебреженія, мы имѣемъ вселенски-огромную и таинственную параллель западной *ютики*. А въ Андреѣ Рублевѣ, по художественной гениальности „равновеликомъ“ самымъ великимъ представителямъ Ренессанса—мы находимъ еще болѣе таинственную *цѣльность* Востока и Запада, „непостижимое“ *единство* новѣйшаго и древнѣйшаго,—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ пророчествъ нашей исторіи. Послѣ Петра начинается болѣе грубый періодъ общенія съ *новымъ* Западомъ, преимущественно съ Западомъ *протестантскимъ* и съ Западомъ *германскимъ*. Тутъ, въ нашихъ связяхъ съ Европою наступаетъ величайшая путаница, которая разрастается отъ выступленія малокультурныхъ „западниковъ“ ставившихъ фатальный знакъ равенства между культурой Германіи и культурой Европы и „отрывавшихъ“ Европу новую отъ Европы древнѣйшей.

Опытъ войны, расколовшей современную Европу *надвое*, окончательно дѣлаетъ невозможнымъ ту постановку вопроса, при которой имѣетъ какой нибудь смыслъ „обвиненіе“ въ чрезмѣрномъ европеизмѣ, бросаемое Шестовымъ Вяч. Иванову. Какъ встарь, такъ и нынѣ полной, вселенскою жизнью мы можемъ жить, лишь находясь въ органическомъ единеніи съ Европою и, кто хочетъ насъ „отдѣлять“ отъ Европы, кто вызываетъ къ „замкнутому“ націонализму—тотъ отзываетъ насъ отъ міровыхъ просторовъ и, въ условіяхъ военной борьбы, которую мы ведемъ, быть можетъ самъ того не вѣдая, склоняетъ Россію къ гибельному *удиненію*.

Европа Европѣ—рознь—и въ Европѣ намъ дорого все, что дружитъ со святынями, коими живетъ наша душа, и та Европа, которая

встала на борьбу съ звѣремъ, выходящимъ изъ бездны, на челѣ коего смрадными буквами написано, „презрѣніе ко всѣмъ святынямъ“, есть не то, что наша союзница и временная помощница—а есть *мы сами* въ нашемъ глубочайшемъ существѣ и въ нашемъ всечеловѣческомъ ликѣ. Наша встрѣча съ Франціей и Англіею, чѣмъ бы она ни была на периферіи и чѣмъ бы она ни оказалась въ будущемъ, есть духовное и величайшей значительности *событіе во внутренней жизни міра* и не можетъ быть русскаго человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы память объ этомъ событіи въ насъ угасла.

Теперь мы подошли вплотную къ *эмпирическимъ* даннымъ, столь искаженнымъ въ „портретѣ“ Шестова. Вяч. Ивановъ рѣдчайшій представитель *исконно-русскаго европеизма*, и ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ „призваніемъ варяговъ княжить и владѣть нами“, которое „зарисовываетъ“ въ немъ Шестовъ. „Варяжниками“ были западники, и теперь мы видимъ съ величайшею болью, въ какіе тиски не только политическаго и экономическаго, но и культурнаго и духовнаго рабства у Германіи привело насъ торжество ихъ слѣпного и поверхностнаго прекраснодушія. Вяч. Ивановъ одинъ изъ рѣдчайшихъ у насъ людей, который всегда любилъ „до изступленія“, до духовнаго отождествленія Европу одну и аристократически презиралъ Европу другую, и который во всѣхъ своихъ произведеніяхъ дѣйственно утверждалъ то исконно русское отношеніе къ Европѣ, внѣ коего невозможны ни нашъ „выходъ въ полноту исторіи“—всегдашняя русская мечта, столь удачно выраженная Достоевскимъ, ни наше освобожденіе изъ лапъ германскаго дракона. И желая ослабить *этотъ* европеизмъ Вяч. Иванова, въ какое мировое уединеніе зоветъ насъ Шестовъ? Какъ „изоляция“ нашей хочеть?

5.

Шиллеръ поистинѣ запуталъ Шестова, и породилъ въ немъ рядъ яростныхъ вспышекъ субъективизма. Только что посадивъ пятно мнимаго преклоненія передъ новѣйшей западной мыслью на живописуемой имъ „спинѣ“, Шестовъ вдругъ сильнымъ движеніемъ кисти дѣлаетъ второе искаженіе оригинала и ни съ того, ни съ сего пишетъ самыми яркими красками... обиду за Пушкина. Если бы нашелся чужакъ, который бы обидѣлся на Платона за недостаточно почтительное отношеніе къ памяти Сократа, я думаю и онъ могъ бы найти больше основанийъ для своего капризнаго парадокса, чѣмъ Левъ Шестовъ, который говоритъ обращаясь къ Вяч. Иванову: „Когда я слышу, что Шиллеру отводится мѣсто впереди Пушкина я «не могу молчать». Въ этомъ обращеніи есть что-то, что вызываетъ *столбнякъ*“.

Чѣмъ Вяч. Ивановъ могъ обидѣть Пушкина? Можетъ быть тѣмъ, что когда онъ заговариваетъ о какомъ нибудь стихѣ Пушкина, стихъ этотъ вдругъ оживаетъ какъ старая соната, воскрешенная рукою гениальнаго піаниста и начинается звучать той полновзвучностью, которая кажется истиннымъ и свѣтлымъ чудомъ магическаго и мгновеннаго возстанія въ силѣ и славѣ? Или тѣмъ, что Вяч. Ивановъ настолько одноприроденъ съ Пушкинымъ, что какъ бы носить его въ себѣ, какъ нѣкое внутреннее свое достояніе, никогда съ нимъ не разставаясь, и въ то же время будучи другимъ, какъ „другимъ“ былъ Зевсъ, нося въ бедрѣ своемъ Діониса? Или тѣмъ, что оба они сопричастны той же гиперборійской стихіи „сслуженія лебедямъ“ (σύνωλοι κίρκου) и соединены „музическою“ связью *особаго* братства и *особаго* пониманія?

Впрочемъ эти вопросы—вопросы „лица“ Вяч. Иванова, и такъ какъ Шестовъ ограничивается „спиною“, то и мы должны подойти къ вопросу о Пушкинѣ „со спины“. Это значитъ опять обратиться къ „эмпирическимъ даннымъ“. А эти данныя говорятъ очень простую вещь. Кромѣ эпиграфовъ изъ Пушкина къ самымъ интимнымъ стихотвореніямъ (Кормчія Звѣзды), свидѣтельствомъ благоговѣйной любви Вяч. Иванова къ Пушкину можетъ служить его изслѣдованіе о „*Цыганахъ*“, которое не смотря на малый размѣръ говоритъ о необычайной *пристальности* и любовной отчетливости его взгляда, устремленнаго на великаго избранника Аполлона. Объ основаніяхъ своей обиды на Пушкина Шестовъ *ничего не говоритъ* и только съ многозначительнымъ киваніемъ отсылаетъ читателя къ стр. 130—131 сборника—„Ворозды и межи“. Довѣрчивый читатель можетъ подумать, что на этихъ страницахъ Вяч. Ивановымъ сказано что то такое, что дѣйствительно „отдаетъ Пушкина подъ руку Шиллера“—и каково же будетъ удивленіе кого нибудь, кто усумнится въ правильности скептической ссылки Шестова и прочтетъ слѣдующія слова Вяч. Иванова на стр. 130. „Въ стихотвореніи „Поэтъ и чернь“... споръ идетъ не между поклонникомъ отвлеченной, виѣжизненной красоты и признающими одно „полезное“ практиками жизни, но между „жрецомъ“ и толпой, переставшей понимать „языкъ боговъ“, отнынѣ мертвыи и только потому безполезный“. А на стр. 131: „Когда Пушкинъ говоритъ о Греціи онъ воспринимаетъ міръ какъ эллины, а не какъ современные эллинизирующіе эстеты: слова о божественности бельведерскаго мрамора не безответственное словесное утвержденіе какого то „культа“ красоты въ обезбоженномъ мірѣ, но исповѣданіе вѣры въ живого двигателя мірозжизнительной гармоніи, не риторическая метафора—изгнаніе „непосвященныхъ“. Вотъ какова „хула“ Вяч. Иванова на Пушкина! О, еслибъ такъ хулилъ Вяч. Иванова—Шестовъ...

Въ связи съ Пушкиннымъ не лишне отмѣтить одну любопытную „импрессию“ Шестова. Пушкинъ имъ поминается какъ живой укоръ

европеизму Вяч. Иванова. „Прежняя русская литература ни отъ кого не зависѣла. Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ... чтобы назвать только самыя крупныя имена—развѣ, не насилуя истину, можно серьезно говорить объ ихъ *духовной зависимости отъ Запада?*“ Интересъ этого капризнаго штриха Шестовской кисти заключается *въ двойномъ* перегибѣ и *въ двойномъ* искаженіи дѣйствительности. Остановимся на имени самомъ крупномъ: 1. Пушкинъ въ смыслѣ „дурной“ Шестовской свободы никогда не былъ „свободенъ отъ Запада“. 2. Въ своемъ европеизмѣ Вяч. Ивановъ истинный *пушкинѣнецъ* и не только не можетъ быть „укорямъ“ Пушкинымъ, а напротивъ долженъ быть увѣнчанъ духовнымъ родствомъ съ величайшимъ русскимъ поэтомъ.

Иноземныя вліянія на Пушкина устанавливаются въ тѣмъ болѣею количествомъ количествъ, чѣмъ пристальнѣе и детальнѣе изучается исторія различныхъ его замысловъ. Но это изученіе приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ: оно лишь подчеркиваетъ исключительную *самобытность* Пушкина, который умѣлъ оставаться самимъ собою въ напряженной атмосферѣ самаго интимнаго соприкосновенія съ величайшими и мощнѣйшими геніями другихъ временъ и другихъ народовъ и будучи истиннымъ европейцемъ былъ въ то же время и этимъ самымъ *совершеннымъ* русскимъ. Тутъ въ малой каплѣ повторяется то же чудо самобытности, торжествующей и сіяющей посреди могущественнаго моря другихъ духовныхъ энергій—какое насъ поражаетъ въ древней Элладѣ: чѣмъ больше приподнимается завѣса надъ великой духовной жизнью древняго Востока, чѣмъ больше устанавливается нити, соединяющихъ Грецію съ Египтомъ, съ Финикіей, съ Вавилономъ и со всей средней Азією, тѣмъ сильнѣе сверкаетъ таинственный и многогранный кристаллъ изначальной самобытности эллинскаго духа, который съ божественною легкостью, „какъ бы играя“ преодолеваетъ не чахлыя начатки чужихъ цивилизацій, а гигантскіе *расцветы* сосѣднихъ культуръ въ эпохи высочайшаго ихъ напряженія.

Вяч. Ивановъ близокъ къ Пушкину не только въ этой исконно русской способности (она же способность древнихъ эллиновъ) сочетать несовместимое „единство“ съ постыжимымъ „множествомъ“, но можетъ быть сравненъ съ Пушкинымъ и болѣе конкретнымъ образомъ. Всѣмъ извѣстно отношеніе Пушкина къ Байрону. И всѣмъ извѣстно, какъ Пушкинъ, преломляя вліяніе Байрона, пресуществляетъ его въ творенія, столь громаднаго творческаго содержанія, что они возносятся сами собою къ вѣчнымъ снѣгамъ высшихъ явленій народнаго духа. *Этому* можно уподобить отношеніе Вяч. Иванова къ Ницше. Будучи задѣтъ Ницше въ той же глубочайшей духовной основѣ, въ которой задѣтъ былъ Байрономъ Пушкинъ, Вяч. Ивановъ съ истинно-пушкинскою беззаботностью, въ какой то вольной пляскѣ духа—преодолеваетъ *свой* „байронизмъ“ и въ рядѣ твореній лирическихъ, драматическихъ, научно-историческихъ и философскихъ рож-

даетъ *своего* Діониса, который отстоитъ отъ Діониса Ницше еще дальше, чѣмъ *Евгений Онегинъ* отъ *Чайльдъ-Гарольда* или *Каменный Гость* отъ *Донъ-Жуана*. Діонисъ Вяч. Иванова это въ сущности говоря громадный міръ двойного открытія: открытіе невѣдомаго лица древней Эллады и *открытіе древней Эллады въ томъ самомъ загадочномъ сущемъ*, что тысячами неразгаданныхъ тайнъ улыбкою Сфинкса глядитъ на всѣ современные души, не усиленные мнимымъ всезнаніемъ. Въ отношеніи Вяч. Иванова къ античности есть черты такой потрясающей новизны и такой самобытности, которая были у зачинателей или большихъ представителей перваго Возрожденія древности въ католической Италіи, и втораго Возрожденія древности въ протестантской Германіи и которая придаетъ его проникновенію въ душу античнаго человѣка—особую, вселенскую значительность. Если намъ суждено еще *жить* въ исторіи, если борьба съ германскимъ дракономъ не есть вступленіе въ тягостную эпоху еще болѣе грозныхъ катастрофъ и еще болѣе чудовищныхъ столкновеній, если сбудется мечта тѣхъ, кто проводитъ и пророчествуетъ *третье Возрожденіе въ православной Россіи*,—имя Вяч. Иванова, какъ зачинателя геніально русскаго отношенія къ Элладѣ, увѣнчается тою славой, которая поистинѣ ему подобаешь.

Мы знаемъ, что для „безпочвенника“ Шестова Эллада еще дальше и еще непужше чѣмъ для эллинизирующихъ эстетовъ и ученыхъ нашихъ дней,—но мы знаемъ также, что портретъ неумолимо требуетъ *объективизма*, и если по бесспорно правильному замѣчанію Вяч. Иванова „когда Пушкинъ говоритъ о Греціи *онъ воспринимаетъ міръ какъ Эллинъ*“—то въ новомъ, геніальномъ узнаніи Греціи, столь священной для Пушкина, и въ новомъ узрѣніи міра (черезъ это новое узнаніе Греціи, (что опять таки было одной изъ чудесныхъ чертъ священной лиры „Святою въ Аполлонѣ“ Пушкина),—мы сторонніе зрители и посѣтители выставки, должны признать не разхожденіе Вяч. Иванова съ Пушкинымъ, а глубочайшее съ нимъ единство и даже больше, духовное отъ него преемство.

6.

Тутъ мы встречаемся съ *третьимъ искаженіемъ*, набрасывающимъ наиболѣе густую тѣнь на весь обликъ Вяч. Иванова и вполнѣ подводящимъ скептическаго портретиста къ разгадкѣ его „упаляющей“ сущности. Это искаженіе весьма своеобразно связано съ Толстымъ. „Ясно, говоритъ Шестовъ, что не гордость Толстого и не его ярость отбрасываютъ В. Иванова. При другихъ обстоятельствахъ В. Ивановъ могъ бы любовно радоваться „демолизму“ Толстого—онъ бы, конечно, самъ подыскалъ болѣе необычное слово для характеристики;

мнѣ въ этомъ отношеніи за нимъ не угнаться. Смущаютъ же его простота и кротость именно потому, что онѣ хотѣтъ быть дѣйственными, что Толстой въ самомъ дѣлѣ готовъ не мстить врагу, не пить и не курить, не противиться злему не въ идеѣ, не въ мысляхъ, не въ книгѣ, а въ жизни. Для В. Иванова такое положеніе совершенно неприемлемо, даже оскорбительно. Вся его задача въ томъ, чтобы радикальнымъ образомъ оторвать идеи отъ дѣйственности и вдохнуть въ нихъ собственную, независимую жизнь, пусть и не похожую на обыкновенную, но свою—пышную и роскошную, прекрасную въ той своей красотѣ увяданья, которую такъ любилъ Пушкинъ осенью, когда лѣса одѣваются въ багрецъ и золото. Для того, что бы достигъ этого, нужно чтобъ идеи перестали питаться соками, идущими изъ жизни. Только при такихъ условіяхъ можетъ получиться та пышная красота увяданія, которой такъ богаты и прозы, и стихи В. Иванова. А Толстой требуетъ воплощенія *въ дѣлахъ*! Въдѣ такъ и въ самомъ дѣлѣ придется вступить въ борьбу не съ фантастическимъ красавцемъ демономъ съ опаленными крыльями и даже не съ чортомъ Достоевскаго, у котораго какъ никакъ, а всегда былъ настоящій хвостъ, а съ обыкновеннымъ человѣкомъ, у котораго въ рукахъ палка, камень или нагайка. Это уже будетъ не борьба—и тутъ В. Иванову дѣлать нечего.

Я нарочно привелъ эти слова полностью, потому что въ нихъ есть нѣчто *непостижимое*. Они очень далеки отъ обычныхъ взглядовъ Шестова на „правду“ и „неправду“ Толстого, и мнѣ представляются прямо *загадочными*. Что хотѣтъ ими сказать Шестовъ? Что у В. Иванова слова расходятся съ *дѣломъ*? Или что его воззрѣнія никакъ не соприкасаются съ *дѣловыми*, историческимъ планомъ дѣйствительности и нигдѣ не встрѣчаются съ „гущею“ жизни?

Въ какой ближайшей связи стоитъ все поэтико-философское міросозерцаніе Вяч. Иванова къ тому историческому *дѣйствию*, величайшему по своей жизненности и конкретности, которое мы нынѣ переживаемъ,—съ какой изумительною отчетливостью опредѣляетъ свое отношеніе, положительное и отрицательное ко всей суммѣ силъ, борющихся сейчасъ за господство надъ міромъ—объ этомъ лучше всего свидѣлствуютъ статьи Вяч. Иванова за два года войны, нынѣ объединенныя въ сборникъ *Родное и вселенское*.

Но можетъ быть Шестовъ обвиняетъ Вяч. Иванова именно въ расхожденіи между словомъ и *дѣломъ*? („Толстой требуетъ *воплощенія въ дѣлахъ*“) я рѣшительно недоумѣваю. Если дѣла понимать въ чисто внѣшнемъ смыслѣ слова, то мы знаемъ, что Толстой такъ и ограничился одними „требованіями“ и до *дѣла* не дошелъ. И такъ ли увѣренъ Шестовъ, что, еслибъ онъ себя спросилъ о дѣлахъ въ этомъ узкомъ смыслѣ слова—напр. осуществляетъ ли самъ онъ *апогеозъ безночности*, о которомъ такъ талантливо и краснорѣчиво пи-

салъ и пипіеть, воплотилъ ли онъ въ своей жизни освобожденіе отъ всяческихъ „почвъ“ (семьи, собственности, соціального положенія)—то не пришлось ли бы ему испытать на себѣ самомъ всю неловкость этого вопроса и его *не факельный, а чисто словесный смыслъ*?

Что же это значить? Значить ли это, что Толстой не мучился сердцемъ рождая свои „идеи“? Или что душа Шестова глубочайшимъ образомъ не болѣла, когда онъ простоналъ свой „апоеозъ“? Нѣтъ, мы болѣе справедливы и думаемъ, что Толстой и Шестовъ очень *подлинны въ своей боли* и никогда не укоримъ ихъ въ томъ, что у нихъ идеи живутъ „отдѣльной отъ жизни жизнью“. Мы скажемъ только, что овладѣвая сферою *внутренней жизни*, идеи не доовоплощались у нихъ до жизни *внѣшней и матеріальной*. Дѣло „житейское“ обыкновенное, но оно нисколько не заставитъ насъ усумниться во внутренней подлинности, напр., той жажды *самоубійства*, о которой Толстой говорить въ исповѣди и которая не осуществилась во внѣшней дѣйствительности. Веревка, соблазнявшая Толстого или ружье, съ которымъ онъ боялся остаться наединѣ—это абсолютно подлинны *факты внутренней жизни* Толстого, нисколько не теряющіе своей цѣны отъ того, что въ послѣдствіи Толстой не могъ внѣшнюю свою жизнь построить на началахъ дѣйствительнаго освобожденія отъ всяческой „почвы“ идейную и сердечную, вражду съ которой Шестовъ унаслѣдовалъ въ значительной мѣрѣ отъ Толстого.

Но если и Шестовъ и Толстой принуждены различать (слава, внутренняя жизнь и внѣшняя жизнь) три сферы, а не двѣ—то спрашивается, какой смыслъ имѣетъ Шестовское обвиненіе Вяч. Иванова, что у него слова и идеи живутъ особою жизнью? Хочетъ ли этотъ Шестовъ сказать, что идеи и слова Вяч. Иванова не рождаются изъ *внутренней жизни*, изъ *опыта его сердца*,—а такъ сказать творятся изъ ничего, выбалтываются изъ какой то пустоты, его же душа въ это время живетъ какой то *другой* жизнью? Не думаемъ, что бы Шестовъ могъ серьезно поставить этотъ странный вопросъ, но еслибы онъ вздумалъ его поставить, мы бы попросили *доказательство* и потребовали бы отъ портретиста, чтобы онъ *въ оригиналь* показалъ ту „дыру“, которая зияетъ въ его изображеніи. Другими словами мы бы попросили его во первыхъ, отъ мало говорящей „спины“ перейти къ рѣшающей характеристикѣ лица;—во вторыхъ лишь живописать по объективнымъ даннымъ, хотя бы поэзіи Вяч. Иванова, и непременно *схоже* съ оригиналомъ.

Впрочемъ, можетъ быть ларчикъ открывается еще проще? Можетъ быть въ разбираемомъ обвиненіи Шестова мы имѣемъ любопытную по простотѣ *graturno terminorum*? Можетъ быть говоря о расхожденіи между идеями Вяч. Иванова и дѣйствительностью,—Шестовъ беретъ идеи *Вяч. Иванова*, а дѣйствительность *свою, Шестовскую*, т. е. такую, какой она представляется ему, Шестову? Но развѣ Вяч. Ивановъ

обязанъ быть вѣрнымъ той безликой дѣйствительности, которую знаетъ Шестовъ, а не тѣмъ живымъ *ликамі* дѣйствительности, которые знаетъ онъ самъ? Такъ пожалуй можно было притянуть къ отвѣту Пушкина за то, что *онъ* воспроизводитъ дѣйствительность иначе, чѣмъ ее представлялъ себѣ, напр., *Шопенгауэръ*. Странное обвиненіе, странная логика!

7.

Но всего замѣчательнѣе то, что занявшись исключительно спиной Вяч. Иванова и сказавъ ее до неузнаваемости, Шестовъ вопреки всякой логикѣ и съ нарушеніемъ всѣхъ законовъ эвритміи и музыки, вдругъ переходитъ къ разгадкѣ сущности Вяч. Иванова и на нѣсколькихъ страницахъ даетъ исчерпывающее *объясненіе* ненарисованнаго имъ лица. Тутъ прямо не знаешь, чему изумляться больше: *таинственной ли непоследовательности*, (слова Шестова о Ницше), съ какой беспочвенникъ Шестовъ шагаетъ увѣренно и твердо по цѣлой кучѣ различныхъ „почвѣ“ (метафизической, философско-исторической, эволюціонной, объективно-логической) или же тѣмъ исключительно своеобразнымъ *приемамъ*, съ какими онъ обращается съ „объектомъ“, оставшись съ нимъ наединѣ и стараясь овладѣть имъ, не заглянувъ ему въ глаза.

У Шестова и здѣсь есть теорія. Сущность ея (да проститъ намъ Шестовъ! самъ онъ первый заговорилъ о *сущностяхъ*) можно своими словами изложить такъ: „Всѣ должны молчать, а я *одинъ* буду говорить, ибо у меня *одного* есть право на непоследовательность. Когда кого нибудь изъ васъ уличать въ нелогичности, вы конфузитесь, когда же у меня найдутъ противорѣчіе, я возвеличиваюсь и расцвѣтаю. Это меня возвышаетъ сразу надъ всѣми. У всѣхъ есть ключи: у кого отъ Царствія Божія, у кого отъ разума Библии, у кого отъ чистаго разума, у кого отъ объективности вообще, а у меня, Шестова, есть *ключъ отъ всѣхъ вашихъ ключей*. Надъ вашей многообразной *potestas clavium*—у меня есть *supra-potestas clavium unius* и всѣ ваши ключики и ключище я отбираю, кладу въ шкатулку, запираю ее своимъ единственнымъ ключемъ и кракѣ!—ключъ сломать: и у меня ключа нѣтъ и всѣ ключи погребены. Выходить до обидности стройно и до обидности схоже съ Гегелемъ! У Гегеля былъ тоже такой „универсальный“ ключъ, которымъ онъ могъ открыть шкатулку, въ коей хранятся всѣ ключи, а этими ключами открыть *всю* дѣйствительность, вслѣдствіе чего его философія и должна была быть культиминаціоннымъ пунктомъ въ самосознаніи всемірнаго, *абсолютнаго Духа*. Но у Гегеля его елиный ключъ все *открывалъ*, у Шестова его единый ключъ все *закрываетъ*. Въ остальномъ эти ключи абсолютно схожи, какъ правая и лѣвая рука. И Шестовъ притязаетъ съ такой же абсолютностью закрыть

„самосознаніе“ всемірнаго Духа, съ какой Гегель притязалъ его *открыть*. И какъ Гегель былъ единымъ посвященнымъ въ божественныя тайны абсолютнаго разума и собою и своею философіею отмѣнялъ всѣ предъидущія „посвященія“, вводя *всю* ихъ правду въ свою систему логики, такъ и Шестовъ хочетъ быть *единымъ* посвященнымъ въ божественную тайну абсолютнаго неразумія и единымъ выразителемъ божественной воли небытія міра и человѣка—въ своемъ апопеезѣ безпочвенности.

Несомнѣнно въ этой теоріи есть любопытныя сверканія мысли и если отбросить ея притязательную абсолютность, въ ней можно найти не мало поучительныхъ и цѣнныхъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Но къ несчастію для Шестова „абсолютность“ по формальной структурѣ своей *логична*, а содержательность есть апопеезъ идеальной „почвы“ и такимъ образомъ его абсолютность *внутренно* противорѣчива и *supra-potestas* хотя и „запирательнаго“ но единого ключа въ его адогматическихъ рукахъ поражаетъ своею несообразностью и очевидной неправдой. Вѣдь ключъ, хотя бы только закрывающій, долженъ *подходить* къ балику, объективно ему *соотвѣтствовать*, иначе онъ ничего не запретъ. Другими словами нѣтъ никакой логической разницы между ключемъ запирающимъ и ключемъ отпирающимъ. Они равно положительны, равно „почвенны“, равно догматичны и равно притязательны! Различаются же только „поворотомъ“—одинъ дѣйствуетъ вправо, другой влѣво. Пора наконецъ Шестову понять, что вся его гносеологія и весь скептицизмъ—*одни слова*, а не слова у него только страстное желаніе тѣмъ же ключемъ, что привлекаетъ вниманіе всѣхъ мыслителей міра, повернуть влѣво и даже можетъ быть совсѣмъ его сломать.

Въ вопросѣ о сущности Вяч. Иванова *supra-potestas* Шестова проявляется самой невыгодной, *схематической* своей стороной. Онъ и не думаетъ проникать въ *индивидуальную* сущность Вяч. Иванова. Ницше установилъ сомнительную категорію „упадочничества“, оставивъ въ неопредѣленности, *что* падаетъ и *куда* падаетъ? И вышло у него, что Сократъ и Платонъ упадочники, да еще изъ самыхъ важнѣйшихъ, своего рода киты упадочничества. Подъ эту *общую* категорію Шестовъ подводитъ и Вяч. Иванова и подводитъ такъ *априорно*, не потому что Вяч. Ивановъ—Вяч. Ивановъ, а потому что онъ подходитъ подъ неопредѣленный, какой то общій типъ. Попасть въ одну категорію съ Сократомъ поистинѣ великая честь и если дѣятельность Вяч. Иванова окажется столь плодотворной в исторически дѣйственной, какой оказалась передъ лицомъ исторіи дѣятельность перваго гениальнаго „упадочника“, то, конечно, ничего большаго пожелать не смогъ бы Вяч. Иванову и самый неумѣренный его почитатель. Но Шестовъ, какъ и Ницше, къ слову „упадочникъ“ ставитъ знакъ *микуса* и хочетъ этимъ наименованіемъ разоблачить дурную сущность

Вяч. Иванова. Но то, что у Ницше, въ виду особаго его отношенія къ античности, имѣло хотя и парадоксально-романтическій, но все же уловимый смыслъ, то у адогматика Шестова не имѣетъ ровно *никакого* смысла. Увы! я долженъ сказать нѣсколько азбучныхъ истинъ: *падать можно только сверху внизъ*. И еще: паденіе мыслимо при существованіи *верха и низа*. И еще: кто говоритъ объ упадочничествѣ какъ историческомъ явленіи, тотъ утверждаетъ: 1) историческую дѣйствительность какого то *высшаго* уровня, по сравненію съ коимъ паденіемъ можетъ быть названъ переходъ на уровень низшій, „2) возможность объективнаго *измѣренія* историческаго „верха“ и историческаго „низа“. Мы рѣшительно не знаемъ *философіи исторіи* Шестова (у Ницше она есть) и думаемъ что у подлиннаго „адогматика“ она *невозможна*. И тотъ, кто заинтересовавшись опредѣленіемъ Шестова сталъ бы искать въ его статьѣ, что именно онъ разумѣетъ, прилагая къ Вяч. Иванову столь громкое и пустое имя, долженъ бы съ разочарованіемъ констатировать, что Шестовъ рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать съ этой *ницшевской* категоріей, не кстаети ему подвернувшейся, и совершенно не умѣетъ отвѣтить на вопросъ: по сравненію съ *чѣмъ* и въ отношеніи *чего* Вяч. Ивановъ „упадочникъ“? Въ этомъ мѣстѣ „боги“ замѣтно оставляютъ Шестова, и онъ говоритъ намъ о несуществующихъ растеніяхъ, которыя расцвѣтаютъ пышнѣе отъ того, что имъ подрѣзываютъ корни. Смѣемъ увѣрить Шестова, что въ растительномъ мірѣ такого *апостола безпичвенности* не встрѣчается, и двѣты расцвѣтаютъ пышнѣе и ярче отъ заботливаго „усиленія“ *почвы* или отъ умноженія тепла и свѣта.

Характерно, что раскрывъ сущность Вяч. Иванова вопреки всей адогматической музыкѣ (или заперевъ ее своимъ ключемъ—что то же самое) Шестовъ пронизываетъ еще надъ *всезнаніемъ* Вяч. Иванова и говоритъ, что рѣшительно не можетъ придумать вопроса, на который не могъ бы отвѣтить Вяч. Ивановъ. Но вотъ оказывается, что онъ, Шестовъ, знаетъ еще больше чѣмъ Вяч. Ивановъ, ибо, охвативъ своей характеристикой безусловно *все знаніе* Вяч. Иванова, онъ прибавляетъ къ этому своему адогматическому „охвату“ еще *знаніе тайны Вяч. Иванова*, самому Вяч. Иванову неизвѣстной, и такимъ образомъ показываетъ себя еще болѣе знающимъ по формулѣ: Вяч. Ивановъ знаетъ анное множество вещей. Шестовъ же $n+1$. Со стороны же качественной разница еще существеннѣе. Вяч. Ивановъ какъ всякій „упадочникъ“—христіанинъ вѣритъ, что истина сполна доступна *одному Богу*, изъ коста вышло человечество грѣхомъ перваго Адама. Люди же въ силу безвѣрной множественности и многообразности“ (Евр. 1, 1) божественной истины въ упадочномъ своемъ состояніи знаютъ ее всегда несовершенно и частично, каждый сообразно своему *дару*, отсюда принципъ *соборности* или восполненія скудности одного достаткомъ другого. Шестовъ же вѣритъ 1) въ *единую* и абсолютно *уединенную* истину

своего „апофеоза“, отрицающую *всю* другія „истины“. 2. *Supra potestas*, вытекающую изъ этого знанія, приписываетъ *самому себѣ* и „властно“ удѣляетъ ее лишь не многимъ мыслителямъ, которые ему „нравятся“ непосредственно, по одной „интуиціи“ (Шопенгауэръ, Ницше). Какъ при такомъ положеніи вещей у Шестова поворачивается языкъ Вяч. Иванова, а *не себя* считать приверженцемъ „магометанской гносеологии“.—Это для меня истинная „тайна“ Шестовской души, и я, открытый „догматикъ“, *ничего* объ этой тайнѣ сказать не могу. Могу только сказать, что если вообще возможно къ магометанской формулѣ *единому Аллаха и единому пророка его* искать аналогіи въ области философіи, то во всей исторіи философіи, согласно сказанному выше, можно найти только *два* притязанія, *вполнѣ* магометанскихъ по своей прямолинейной абсолютности и по абсолютному самосознанію своихъ представителей: это панлогизмъ Гегеля и панъ-алогизмъ Шестова!

Шестовъ смутно чувствуетъ неловкость своего „абсолютнаго“ положенія и говорить: „съ волками жить по волчьи жить. Теперь столько кругомъ пророчествуютъ, что поневолѣ и самъ повыпнаешь голосъ. Если среди общаго шума надрывающихся и надсаживающихся голосовъ произнесешь какое нибудь слово спокойно, оно не только не будетъ воспринято, но даже просто не будетъ услышано. Тутъ поневолѣ запророчествуешь“!.. Совершенно вѣрно: „пророчествованіе Шестова на лицо, но намъ кажутся не вполнѣ точными его собственныя слова объ этомъ ибо 1. Шестовъ *вообще* „пророчествуетъ“ въ своихъ произведеніяхъ и если въ данномъ случаѣ его „возбудили“ современные ему писатели,—то въ другихъ случаяхъ „возбуждаютъ“ его писатели ему не современные 2. Я не понимаю достаточныхъ основаній для его отрицательно-пророчественнаго возбужденія: если „кричатъ“ догматики (кстати не Вяч. Ивановъ), то это еще не значитъ, что долженъ кричать „адогматикъ“, особенно въ статьѣ о некричащемъ догматикѣ. А догматическое молчаніе куда убѣдительнѣе адогматическаго крика Въ зыбкой и преходящей области „крика“ адогматизмъ теряетъ то лирическое и музыкальное очарованіе, которое составляетъ *единственную* сильную сторону этой статьи Шестова и всѣхъ другихъ его произведеній.

8.

Этимъ мы подошли къ вопросу о музыкѣ и тѣмъ самымъ къ концу нашихъ замѣчаній. Шестовъ не можетъ найти противудожественной очевидности: онъ признаетъ „музыкальность“ и музыкальность рѣчей и писаній Вяч. Иванова: „В. Иванова я люблю потому, что онъ не говоритъ, а *поетъ*“. Казалось бы вотъ почва для пониманія. Шестовъ *выше всего* ставить музыку, по крайней мѣрѣ такъ хо-

четь представить,—а у Вяч. Иванова—музыка. Значить, замолкни и слушай. Нѣтъ, говоритъ Шестовъ, слушать не стану и сейчасъ же *обосновываетъ* извѣстной „почвой“ свое неслушаніе: по адогматическому катехизису музыка не *можетъ* имѣть общенія съ словомъ и мыслію. И во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда передъ нами *музыкальный фактъ* этого общенія—Шестовъ съ своимъ гегельянствомъ навыворотъ безтрепетно и категорически говоритъ: тѣмъ хуже для фактовъ! И его уже *ничего* смутить не можетъ. Если величайшій изъ музыкантовъ въ величайшемъ изъ своихъ твореній, изъ самыхъ глубинныхъ первоосновъ музыки стихійно изводитъ диеирамбически сверкающее соборно хоровое слово человѣка—Шестовъ говоритъ: это не музыка. Если величайшій изъ современныхъ музыкантовъ, музыкальная гордость Россіи, Скрябинъ, по Бетховенски цѣльно въ огненной сердцевинѣ своей музыки находитъ вселенскую *мысль* и свою жизнь жертвенно отдаетъ на исکانіе какого то неслышаннаго выхода изъ темныхъ нѣдръ музыки къ новому слову космической соборности, Шестовъ безтрепетно говоритъ: „Скрябину навязываются какія то общественныя или вселенскія задачи“. Можно наконецъ возмутиться противъ этой дерзости схематиковъ и апріористовъ: *Скрябину или Бетховену можетъ навязываться только неимѣніе „вселенскихъ задачъ“*. И тотъ кто захотѣлъ бы слушать „адогматически“ Бетховена или Скрябина—будетъ слушать *себя*, а не Бетховена или Скрябина. Между подлиннымъ Бетховеномъ и бронированнымъ уходомъ адогматика стоитъ препятствіемъ дурная философема: соответствующій § изъ адогматической эстетики, мнящій себя *ключомъ и отвъ музыки* и по кантовски предписывающій ей не нарушать *общихъ* законовъ и основоположеній развѣ навсегда установленнаго адогматизма. Въ частности и Вяч. Ивановъ плохъ не потому, что плохо „поетъ“ (этого и Шестовъ не говоритъ), а потому что поетъ не на тѣхъ *унылыхъ* и *скудныхъ* регистрахъ, которыми считаетъ себя въ правѣ покровительствовать унылая философія адогматизма.

Есть у Шестова и второе основаніе, по которому онъ не пріемлетъ „музыки“ Вяч. Иванова. Ему кажется, что Вяч. Ивановъ и „дѣйствительность“ несоизмѣримы. Вяч. Ивановъ блескъ, празднество, пышность; „дѣйствительность“—тусклость, скудость и будни. Тутъ сталкиваются двѣ извѣчныхъ категоріи человѣческаго сознанія: праздникъ и будни и нападеніе Шестова на Вяч. Иванова можетъ быть воспринято универсально и „макрокосмически“, если освѣтить его съ точки зрѣнія этого исконнаго дуализма въ самой природѣ человѣческаго сознанія.

Я перестаю спорить съ Шестовымъ и хочу закончить свои замѣчанія противоположеніемъ почти описательнаго свойства.

Если отбросить все производное во всѣхъ его послѣдовательныхъ наслоеніяхъ и обратиться къ музыкальнымъ *первоосновамъ* человѣ-

ческаго духа, чувствовавшаго себя искони *двойственнымъ* въ условіяхъ наличнаго космоса, то въ самой глубинѣ какъ нѣкіе *элементы*, лежащіе въ основѣ всѣхъ „дуализмовъ“ человѣческой мысли, мы можемъ различить *два* тоническихкія опредѣленности, сопряженныхъ какъ вдыханіе и выдыханіе, какъ день и ночь: *міръ какъ данность* и *міръ какъ даръ*. Все, что воспринимается изначала, двоятся въ этой двойной тональности и *звучитъ* разнo, противоположно, до неузнаваемости полярно. Феноменъ, какъ данность, предѣленъ, безличенъ, исчерпываемъ, эксплуатируемъ, эмпирически полезенъ, космически устойчивъ, „монотоненъ“, монистиченъ и постояненъ, самъ въ себѣ замкнутъ, себѣ имманентенъ и никуда не „выводитъ“. Это изначальное чувство феномена находитъ свое философское сознаніе въ матеріализмѣ и наконецъ кантовскомъ критицизмѣ, гдѣ изначальный корень этой идеологіи—чувство *данности* міра подходитъ къ своему предѣльному выраженію. Феноменъ, какъ даръ безпредѣленъ, трепетно личенъ, неисчерпаемъ, подвиженъ, многограненъ, чудесенъ, праздниченъ, сверхъ-нуженъ. Даръ идетъ отъ даящаго; въ самомъ *чувствѣ* дара, изначальномъ его воспріятіи *есть* Дарящій, какъ первое, какъ безусловное *primo*, отъ Кого даръ только вѣсть, только прикосновеніе и Кто безмѣрно больше всѣхъ даровъ Своихъ. Феноменъ какъ даръ въ самомъ воспріятіи рождаетъ *благодарность* т. е. отношеніе къ *другому*, утверждаетъ изначальную связанность дара съ Дарящимъ и черезъ Дарящаго сверхэмпирическую *связанность* даровъ вопреки ихъ случайности и космической неустойчивости. Чувство дара не имѣетъ ничего общаго съ чувствомъ удовольствія или наслажденія, который можно извлечь изъ той или другой „данности“. Всѣ несчастія своей жизни ловъ переживаетъ въ категоріи божественнаго дара, какъ „*стрѣлы Всевышняго*“. Феноменъ какъ даръ—есть то понятіе, безъ коего для насъ закрыто пониманіе всей древней философіи и въ частности философіи Платона, въ которой эта изначальная категорія находитъ свое высшее *философское* выраженіе. Но, какъ и подобаетъ категоріи трансцендирующей, полный и торжественный расцвѣтъ ея въ религіи, а не въ философіи.

Данность есть то, что дано, что *имѣется*, что даже въ моментъ находенія и открытія считается *своимъ*; за свое не благодарять, свое имѣють, своимъ владѣють. Въ дарѣ—внутреннее движеніе „радости къ другому“, признательность и признаніе, славословіе и „пѣснопѣніе“. Воспріятіе феномена, какъ дара изначально гимнично, дифирамбично, избыточно тѣмъ избыткомъ, отъ котораго сами собою открываются уста и рождаются пѣснь или потребность вообще *славословія*, частью котораго является все искусство. Категорія дара изначально *эвхаристична*; ея пылающій центръ, коего она искала въ одну эпоху и изъ коего она переходитъ въ эпоху другую—эвхаристія,—совершенное единство Дара съ Дарящимъ.

На этихъ двухъ основныхъ полярностяхъ въ воспріятіи феномена вырастаютъ всѣ другія полярности и противоположенія мысли и жизни. Налаженіе Шестова на Вяч. Иванова одна изъ любопытныхъ вариаций на вѣчную тему вѣковѣчнаго спора: дара и данности.

Шестовъ законченный и въ извѣстномъ смыслѣ „абсолютный“ представитель *философіи данности*. Вся жизнь ему предстаетъ какъ данность безсмыслицы и какъ безсмыслица данности, какъ одна огромная, ненужная, ото всѣхъ и ото всего отворотившаяся „спина“. Увѣровавъ въ данность до абсолютности, обожествляя нигилизмъ данности и утверждая апофеозъ ея разоблаченной безпочвенности,—Шестовъ естественно приходитъ во первыхъ къ философіи „адогматизма“ (всякій, „догматъ“ есть описаніе данности т. е. безсмыслицы) и во вторыхъ къ философской *аламіи*, т. е. невозможности что либо говорить внѣ терминовъ данности т. е. безсмыслицы. И такъ какъ изъ данности нѣтъ никакого выхода къ сверхъ-данности, то Шестовъ доходитъ до точки, мистически очень значительной и интересной: къ предѣльному разоблаченію самой категоріи данности и ея изначальной *лжи*, съ другой стороны къ предѣльному утвержденію *единственности* этой категоріи. Освободивъ ее отъ наполненности всякимъ возможнымъ „догматическимъ“ содержаніемъ, онъ хотѣлъ бы оставить только ея *тоническій корень*, ея чистое „какъ“.

Отсюда его вражда къ философіи дара вообще и въ частности къ „мировоззрѣнію“ Вяч. Иванова. Категорія дара для него абберация категоріи данности. Заподозривая категорію дара какъ разновидность категоріи данности, онъ пробуетъ съ нею бороться тѣми же методами разоблаченія, которые онъ примѣняетъ къ категоріи данности. Но если онъ хочетъ *дѣйствительной* борьбы, онъ долженъ прежде всего противника *увидѣть*. Не видя противника неизбежно бить *мимо*; всякій же промахъ, особенно въ торжественной обстановкѣ разгадыванія послѣднихъ „тайнъ“, вызываетъ и смѣхъ. А насколько *видитъ* Шестовъ въ непривычной ему категоріи дара и какъ „обезличиваетъ“ ея представителей, это доказывается сравненіемъ его изображенія съ оригиналомъ.

Сначала Шестовъ имѣлъ другую и болѣе значительную мысль. Вяч. Иванова онъ называетъ „великолѣпнымъ“ потому, что все, къ чему не прикоснется Вяч. Ивановъ, становится „великолѣпнымъ“. Въ такомъ случаѣ Шестовъ возсталъ бы не противъ Вяч. Иванова, а противъ всей поэзіи вообще и противъ всего искусства, въ частности и *противъ музыки*. Тогда бы онъ неистиннѣ подползъ близко къ критикѣ самой категоріи *дара*. Въдѣ существо искусства въ разоблаченіи *дара* въ каждаеи данности и въ постиженіи вѣчной *славы* въ мимолетномъ.

(Слова Фета *къ поэтамъ* можно обратить къ служителямъ *всѣхъ музъ*:

Въ вашихъ чертахъ мой духъ окрылился,
Правду провидитъ онъ съ высотъ творчества:

*Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,
Золотомъ вѣчными юрится въ пынькопѣньи.*

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
*Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.*

Но оттого ли, что радикальное нападеніе на искусство показалось Шестову невыполнимымъ или оттого, что музыка ему дѣйствительно дороже адогматизма—онъ первоначальное намѣреніе; измѣнилъ и вмѣсто „великолѣпія“ всего искусства попробовалъ „одогматизировать“ великолѣпіе одного Вяч. Иванова,—съ какимъ успѣхомъ,—мы видѣли.

В. Эрнъ.

